

Проблемы правосудия

Уголовное законодательство в системе законодательства, обеспечивающего динамичное экономическое развитие страны

резервы; совершенствование; законодательство; фактор; развитие; пути; нормы; территория; правовое пространство; Уголовный кодекс; экономика; страна; государство

П. Н. Панченко

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (филиал в г. Нижний Новгород), руководитель Секции по уголовно-правовым вопросам Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде

Говоря образно, если конкуренция – мать экономики, то закон – ее отец. Если само *возникновение* спроса и предложения происходит во многом стихийно, то *взаимосвязанная практическая реализация* спроса и предложения всегда осуществляется строго целенаправленно, в значительной мере планомерно и в условиях постоянной и, как правило, весьма жесткой состязательности, требующей внимательного наблюдения за многочисленными параметрами деятельности – как своей, так и конкурентов, предвидением и расчетом всех существующих здесь причинно-следственных связей.

И, как любая другая состязательность (спортивная, профессиональная, интеллектуальная, зрелищная и т. п.), состязательность экономическая осуществляется по определенным правилам. Иначе справедливость ее результатов всегда будет оставаться под сомнениями. К тому же без учета соответствующих правил немало, как говорится, дров может быть наломано и в самом процессе осуществления состязательности, что, конечно же, тоже может быть чревато самыми непредсказуемыми последствиями, в том числе крайне негативного свойства.

С учетом жизненной важности современной экономики, развивающейся, как известно, в условиях возрастающей ограниченности ресурсов, правила для нее устанавливает закон. Во всех других случаях правила состязательности устанавливаются обычно иными нормативными правовыми актами. Или нормами морали, нравственности, соответствующим практическим опытом.

Например, детские игры регламентируются «наигранным» самими же детьми опытом проведения подобных игр. А состязательность, скажем, в выборе жениха или невесты основывается главным образом на личных симпатиях, на каких-то иных предпочтениях, на этикете, доверии, традициях, обычном трезвом расчете и т. д. Хотя и здесь закону находится дело – особенно после того, как выбор сделан и заключен брак. Или, тем более, когда заключенный брак по желанию одной из его сторон (или обеих его сторон) расторгается, и остается решить судьбу детей, совместного нажитого имущества, ряд других неизбежно возникающих в таких случаях вопросов (например, жилищных).

Рассуждая так, что конкуренция – мать экономики, а закон – ее отец, мы исходим из того, что сам по себе рынок устанавливает лишь определенные общие принципы экономической деятельности – спрос рождает предложение, а предложение – соответственно спрос, цены и тарифы соразмерны с себестоимостью товаров и услуг, доходы должны не только окупать расходы, но и обеспечивать получение прибыли, необходимой в том числе для развития дела, и т. д. Нормы же закона вносят в экономические процессы порядок, в условиях которого рынок не может «разгуляться» до такой степени, при которой он мог бы потерять всякие ориентиры, и, образно говоря, пойти в «разнос», то есть оказываться то в одном, то в другом кризисном состоянии.

Если в воспитании ребенка мать добивается успехов в основном за счет теплой заботы о нем, нежной ласки и других подобных действий, то отец – обычно за счет умного слова, подкрепленного подчас достаточно жесткими мерами воздействия, начиная от убеждения и кончая принуждением. Примерно то же самое наблюдаем мы и в рыночной экономике – состязательность *определяет* общую ситуацию на рынке, а закон *регулирует* ее – присущими ему методами и средствами.

Но где тот предел, за которым вмешательство закона в экономику уже не только не идет ей на пользу, а тормозит ее, «вяжет», как говорится, «по рукам и ногам» и, в конце концов, приказывает ей «долго жить»? Принято считать, что экономика «здоровствует» до тех пор, пока в нее не вмешивается уголовный закон – «грубою своей силой». Это, конечно же, так. Но... и не совсем так. Или даже, может быть, в каких-то случаях и совсем не так. Уголовный закон здесь часто не менее важен, чем, скажем, закон гражданский, административный или трудовой.

Так или иначе, но без рационального «вмешательства» уголовного закона экономика не выдерживает натиска преступности и... гибнет.

Точно так же, как гибнет и все остальное, что оказалось под воздействием натиска со стороны этого явления. Ничто не может устоять перед преступностью. Она все крушит, уничтожает, приводит в состояние краха. Другое дело заключается в вопросе о том, что именно надо понимать под той преступностью, которая «убивает» рыночную экономику. Прежде всего, это, конечно же, та преступность, которая ею же самой и порождается. Как и все в этом мире, рыночная экономика сама по себе далеко не идеальна, что проявляется, в частности, в том, что она – весьма криминогенна.

Но зачем же, спрашивается, такая экономика нам нужна, если, обеспечивая нас необходимыми товарами и услугами, она в то же время основательно и бьет нас преступностью – и, к сожалению, не только «по карману»? Дело здесь состоит в том, что в условиях возрастающей ограниченности ресурсов никакая другая экономика просто-напросто, как показал, например, опыт советской истории, не работает. Ничего лучшего пока не придумано. Поэтому сегодня нам нужен рынок, рынок и только рынок. Вопрос же о том, что, открывая настежь ворота рынку, мы должны одновременно наглухо заколотить дверь преступности – это совершенно другой вопрос.

А как это сделать – закрыть дверь преступности, «раскручивая», вместе с тем до предела эти самые крайне криминогенные рыночные отношения? Большинство аналитиков сходятся в том, что беспредельная стихия рынка должна быть ограничена внесением в него элементов правового регулирования. Тогда и понизится степень ее криминогенности, и повысится уровень ее эффективности. С этим надо согласиться – тем более, если учесть экономический опыт скандинавских стран, Японии, Южной Кореи, Китая, некоторых других государств мира.

Если вы хотите иметь красивую жену и, в то же время, естественно, хотите, чтобы она вам не изменяла, то ситуацию нельзя выпускать из-под контроля. Вы должны сделать все возможное и невозможное для того, чтобы ваша жена, будучи в принципе свободным человеком, в каждый миг и час и всеми фибрами своей души знала и чувствовала, что вы – единственный человек на свете, который может дать ей все то, что ей нужно. Точно так же и в экономике – она только тогда даст больше и только тогда причинит меньше беспокойств, когда состояние ее свободы от соответствующего правового контроля будет только упрочиваться. Поскольку только с помощью именно такого контроля вы сможете дать ей все то, что ей и нужно.

Как показывает имеющийся современный экономический опыт, по существу *все* законодательство должно быть, так или иначе, подчинено задаче динамичного экономического развития. И уголовное законодательство здесь не может быть исключением. Если иметь в виду именно уголовное законодательство, то в плане исследуемой темы нас должны интересовать, прежде всего, те его нормы, которые предусматривают

ответственность за преступления *экономического характера* или, как их еще называют, *экономические* преступления, преступления *экономической направленности*, преступления, совершаемых *в сфере экономики*.

Такого рода нормы сосредоточены, прежде всего, в статьях раздела 8 УК РФ («Преступления в сфере экономики»), включающего главы 21–23 (ст. 158–204). Криминализация деяний, *совершаемых в сфере экономики*, осуществлена в УК РФ с широким использованием норм *экономического* законодательства. Прежде всего, это, естественно, нормы законодательства *гражданского*, а именно нормы, регулирующие, в частности, отношения *собственности*, а также отношения *предпринимательской и иной связанной с ней экономической деятельности*. Большая нагрузка в этом плане лежит и на нормах законодательства, регулирующего деятельность *финансовую, валютную, таможенную, налоговую*.

Именно в связи с широким использованием указаний на названные нормы статьи УК РФ о преступлениях в сфере экономики являются, пожалуй, наиболее многословными в Кодексе. По этой же причине данные статьи Кодекса нередко содержат множественные (альтернативные) составы преступлений, в том числе описываемые, как правило, в трех и более частях этих статей. В Особенной части УК РФ раздел о преступлениях в сфере экономики занимает примерно 20 процентов всего ее (Особенной части) текста и, судя по часто высказываемым в юридической литературе предложениям о необходимости более детальной прорисовке конструктивных и особенно квалифицирующих признаков составов экономических преступлений, процесс пополнения и «разбухания» уголовно-экономической материи в УК РФ будет продолжаться и дальше.

Динамичное изменение экономических отношений, вызванное условиями переходного развития, требует адекватных изменений и регулирующего их экономического законодательства, что неизбежно вызывает соответствующую динамику и законодательства уголовно-экономического, то есть законодательства, предусматривающего ответственность за преступления в сфере экономики и ряд других преступлений, имеющих соответствующее экономическое содержание. В связи с этим количество «уголовно-экономических» статей в разделе 8 УК РФ («Преступления в сфере экономики»), как и за его пределами, постоянно растет. Если изначально только в названном разделе содержалось 47 статей, то по состоянию на январь 2012 года их насчитывалось уже 56. И если за период действия УК РФ были признаны утратившими силу 4 статьи раздела 8 УК РФ (173 – лжепредпринимательство, 182 – заведомо ложная реклама, 188 – контрабанда, 200 – обман потребителей), то дополнительно включены в данный раздел 14 (четырнадцать) статей (ст. 170.1, 171.1, 171.2, 173.1, 173.2, 174.1, 185.1, 185.2, 185.3, 185.4, 185.5, 185.6, 199.1, 199.2).

Все нововведенные статьи дополнили главу 22 УК РФ («Преступления в сфере экономической деятельности»). Это составы таких преступлений, как:

- фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета (ст. 170.1);
- производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции (ст. 171.1);
- незаконная организация и проведение азартных игр (ст. 171.2);
- незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1);
- незаконное использование документов для образования (создания, использования) юридического лица (ст. 173.2);
- легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1);
- злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах (ст. 185.1);
- нарушение порядка учета прав на ценные бумаги (ст. 185.2);
- манипулирование рынком (ст. 185.3);
- воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг (ст. 185.4);
- фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества (ст. 185.5);
- неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185.6);
- неисполнение обязанностей налогового агента (ст. 199.1);
- сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов (ст. 199.2).

Таким образом, если изначально глава 22 УК РФ содержала 32 статьи, то сейчас она насчитывает уже 42 статьи – с учетом вышеназванных четырех статей, признанных впоследствии утратившими силу, и четырнадцати статей, дополнительно включенных в Кодекс. При этом двенадцать изначально содержащихся в данной главе статей и две дополнительно включенные в нее статьи действуют в настоящее время в новой редакции. Таким образом, глава УК РФ о преступлениях в сфере экономической деятельности более чем наполовину обновлена *кардинально*, а в остальной ее части – *фрагментарно*.

Заметим, что буквально *все* статьи Уголовного кодекса об ответственности за преступления в сфере экономики за истекшие полтора десятилетия его действия подвергались изменениям, в том числе редакция

большинства их менялась *три, четыре, пять* и даже в отдельных случаях *шесть* раз. 23 таких статьи, включая две нововведенные, действует теперь *в новой редакции*. Из всех 14 нововведенных статей (все они, напомним, пополнили именно главу 22 УК РФ) *шесть* подвергались изменениям, причем неоднократным, а *две* из них действуют в настоящее время *в новой редакции*.

Частично декриминализованы причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) и незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191 УК РФ), поскольку простые составы этих преступлений дополнены признаком крупного размера. Эти деяния, не характеризующиеся данным признаком, переведены в сферу административно-правовой юрисдикции.

На смягчение практической наказуемости преступлений в сфере экономической деятельности будет работать и включение в санкции соответствующих статей УК РФ такого нового вида наказания, как принудительные работы.

Произведены некоторые снижения и дифференциации стоимостных критериев преступности уклонения от уплаты таможенных платежей (крупного и особо крупного размеров) – применительно к физическим и юридическим лицам. Статья 194 УК РФ дополнена частями 3 и 4, устанавливающими ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей, совершенное соответственно должностным лицом с использованием своего служебного положения либо с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль (ч. 3) или организованной группой (ч. 4).

Общая часть УК РФ дополнена ст. 76.1 УК РФ, устанавливающей основания освобождения от уголовной ответственности по делам об отдельных впервые совершенных преступлениях в сфере экономической деятельности – при возмещении причиненного преступлением ущерба в полном объеме (по преступлениям, предусмотренным ст. 198, 199 и 199.1 УК РФ), а также при перечислении в федеральный бюджет денежного возмещения в размере пятикратной суммы причиненного ущерба либо при перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного в результате совершения преступления и денежном возмещении в размере пятикратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления – если речь идет о впервые совершенных преступлениях, предусмотренных частями первыми статей 171, 171.1, 172, частью второй статьи 176, статьей 177, частями первой или второй статьи 180, частями третьей или четвертой статьи 184, частью первой статьи 185, статьей 185.1, частью первой статьи 185.2, статьей 185.3, частью первой статьи 185.4, статьей 193, частью первой статьи 194, статьями 195–197, 199.2 УК РФ.

Все это говорит о том, что сегодня наше уголовно-экономическое законодательство, как и российская экономика в целом и как регулирующее ее законодательство, пока еще не отстоялось, находится в движении, продолжает развиваться, отыскивая свои наиболее оптимальные формы.

Постоянные нововведения в уголовно-экономическом законодательстве обусловлены, наряду с прочими факторами, также сохраняющимися общими трудностями нашей экономики, генерирующими как экономические, так и многие другие преступления, причем с такой силой и с таким размахом, что внесение изменений в уголовное законодательство становится просто неизбежным. Еще весьма сильно ощущаются такие явления, как сырьевая зависимость нашей экономики, ее техническая и технологическая отсталость (не секрет, что на многих некоторых предприятиях все еще используются станки и иное оборудование, вывезенные после минувшей войны из поверженной Германии), нехватка ценных научных разработок, дефицит интеллектуального потенциала (в связи с чем власть пока еще отдает предпочтение не повышению оплаты труда отечественных специалистов, а приглашению за довольно большие деньги специалистов из-за рубежа), снижение объема и качества трудового ресурса, рост нагрузки на бюджет в связи с постоянным увеличением удельного веса управленческого персонала и вообще неработающего нашего населения (пенсионеры, инвалиды, хронически больные люди — не говоря уже об алкоголиках, наркоманах и вообще паразитирующих элементах, в том числе о так называемых бомжах, преступниках, часто безнаказанно промышляющих в открытом пространстве и, естественно, не расположенных к созидательному труду), распространенность теневых форм и методов ведения хозяйственной деятельности, все большее проникновение этих форм и методов в легальную экономику, отток рабочей силы за рубеж, в том числе в той ее части, которая в свое время прибыла к нам из государств ближнего зарубежья (постепенно наша страна становится в этом смысле как бы своеобразной перевалочной базой для гастарбайтеров, которые в течение последних более двадцати с лишним лет с переменным успехом подпитывали нашу экономику своим непосредственным участием в ней).

Как утверждает В. В. Путин (телеэфир октября 2011 года), отвечая на вопрос о том, почему он снова участвует в президентских выборах, у нас пока все, включая экономику, сделано, так сказать, «на живую нитку», а поэтому достаточно малейшего сбоя, чтобы страна вновь оказалась свергнутой в хаос, пошла, образно говоря, «под откос» — как она однажды уже пошла туда — в начале 90-х годов прошлого столетия, когда наша страна распалась, и восстановить ее в прежнем виде уже невозможно. Именно в целях обеспечения стабильности в стране на длительный период времени, как пояснил В. В. Путин, он еще четыре года тому назад (в 2008 году) условился с Д. А. Медведевым о такой конфигурации

власти (В. В. Путин – президент, Д. Медведев – премьер) на период после президентских выборов марта 2012 года. Сегодня нам, конечно же, ничего неизвестно о подобных договоренностях на последующие судьбоносные для страны периоды времени (как ничего не было нам известно о них и в канун выборов 4 марта 2008 года), хотя не приходится сомневаться в том, что они все же есть. Например, наши КаВээНщики давно уже «вычислили» (естественно, не без сарказма) возможность такого рода договоренностей на довольно продолжительную перспективу – вплоть до середины 30-х годов.

Сложно, конечно, комментировать все это, особенно в рамках строго научного анализа, но дальнейшего распада страны и связанного с ним возможного наступления нового «смутного времени», а именно периода очередного экономического краха, ситуации «разброда и шатаний» в политике, обрушения социальной сферы, возвращения талонной системы обеспечения населения товарами, включая нормирование потребления (например, вермишели, мыла, спичек и т. д.), социального взрыва, в том числе в виде уже известных «оранжевых революций» («цветных», «цветочных» и т. п.), включая те, которые организовывались в 2011 году в ряде стран Северной Африки, надо во что бы то ни стало избежать.

При таких обстоятельствах не нажимать на «педаль» уголовно-правового реагирования на разного рода экономические «эксцессы» было бы, как мы полагаем, непростительной ошибкой. Хотя, конечно же, в дальнейшем, по мере выхода нашей экономики из состояния крайне низкой эффективности, ситуация в уголовной политике, включая и ее уголовно-экономическую составляющую, будет, безусловно, меняться – разумеется, в сторону от преобладания мер сугубо уголовно-правового свойства к мерам преимущественно криминологического, социального, культурного, организационного и иного подобного характера.

Обращает на себя внимание то, что санкции статей о преступлениях в сфере экономики пестрят наказаниями в виде *лишения свободы*, в том числе довольно часто эти меры устанавливаются на достаточно продолжительные сроки. Альтернативно, а иногда и в качестве дополнительных наказаний, устанавливаются также достаточно крупные штрафы. Причем, несмотря на предпринимаемые руководством страны усилия по снижению удельного веса наказаний в виде лишения свободы, назначаемых за экономические преступления, в учреждениях уголовно-исполнительной системы к настоящему времени отбывают наказание в основном лица, совершившие именно эти преступления.

Общая картина составов преступлений в сфере экономики сложилась к настоящему времени в Уголовном кодексе в следующем виде:

1. Преступления против собственности:

1. Хищения (ст. 158–162, 164 УК РФ);

2. Корыстные преступления против собственности, не относящиеся к хищениям (ст. 163, 165, 166);

3. Преступления против собственности, не относящиеся к хищениям и для составов которых корыстный мотив не обязателен (ст. 167, 168);

II. Преступления в сфере экономической деятельности:

1. Должностные преступления данной группы (ст. 169, 170);

2. Преступления, совершаемые предпринимателями (ст. 170.1, 171, 171.1, 171.2, 172);

3. Преступления, предметом которых является имущество, приобретенное преступным путем (ст. 174, 174.1, 175);

4. Кредитные преступления (ст. 176, 177);

5. Монополистические преступления (ст. 178, 179);

6. Преступления против интересов предпринимателей (ст. 180, 181, 183, 184);

7. Преступления, предметом которых являются ценные бумаги (ст. 185, 185.1, 185.2, , 185.4);

8. Преступления, выражающиеся в манипулировании рынком и рыночными механизмами (ст. 185.3, 185.5, 185.6);

9. Финансовые преступления (ст. 186, 187);

10. Таможенные преступления (ст. 188–190);

11. Валютные преступления (ст. 191–194);

12. Преступления, связанные с банкротством (ст. 195–197);

13. Налоговые преступления (ст. 198, 199, 199.1, 190.2);

III. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях:

1. Преступления данной группы, совершаемые лицами, выполняющими в коммерческих или иных организациях управленческие функции (ст. 201, ч. 3 и 4 ст. 204 УК РФ);

2. Преступления данной группы, совершаемые частными нотариусами, аудиторами, детективами и охранниками (ст. 202, 203);

3. Преступления данной группы, совершаемые любыми лицами (ч. 1 и 2 ст. 204).

Все эти преступления совершаются на протяжении по существу всего периода действия Уголовного кодекса, и в весьма больших масштабах. Как раньше, так и теперь, невозможно найти у нас такую экономическую структуру, в которой все было бы, как говорится, «по белому». Так называемая «чернота» проступает пока еще фактически везде.

Полтора десятилетия, прошедшие после принятия УК РФ 1996 года – это вроде бы немного, но, по меркам переходного периода – это едва ли не целая эпоха. С середины 90-х годов прошлого столетия значительно изменились как экономические и тесно связанные с ними другие отношения (во всех их видах и разновидностях), так и само законодательство, регулирующее эти отношения. Но вносимым изменениям уже становится как бы тесно в рамках существующих законов и поэтому на повестку дня во весь свой рост встают вопросы *полного* их обновления. По инициативе Медведева уже развернута работа по подготовке новой ре-

дакции Гражданского кодекса РФ. Грядет, понятно, кардинальное обновление и соответствующего блока норм законодательства уголовного – и, прежде всего, статей раздела 8 УК РФ. Преобразования, конечно же, могут затронуть и другие разделы данного Кодекса, в том числе и разделы его Общей части, поскольку, как уже отмечалось, по существу *все* уголовное законодательство, так или иначе, должно работать на обеспечение экономического развития страны. Невозможно модернизировать экономику, да еще так, чтобы уже в обозримом будущем, как планирует В. В. Путин, выдвинувший в сентябре 2011 года свою кандидатуру на участие в президентских выборах марта 2012 года, страна вошла в пятерку мировых экономик и смогла перевести идею создания на базе Таможенного союза (Россия, Белоруссия, Казахстан) Евразийского экономического союза в практическую плоскость¹, если не модернизировать саму правовую базу проводимых преобразований.

Уголовное законодательство, являющееся по существу центральным звеном такой базы, не может стоять на месте – лишь, так сказать, переминаться «с ноги на ногу», делая только легкие движения со стороны в сторону, ни на микрон не смещая при этом своего «центра тяжести» в действительно нужном направлении. Ведь сколько бы мы не «латали», скажем, старый пиджак, новым он никогда не станет, так как в нем будут снова и снова появляться какие-то новые дыры, требуя каждый раз соответствующего («дырочного») ремонта. Те изменения, которые в это законодательство уже внесены, конечно же, несколько приподняли уровень и значение уголовно-правового обеспечения экономического развития страны, но, к сожалению, не решают проблемы в целом, поскольку представляют собой лишь подгонку его (законодательства) под *текущие* задачи государства. Стратегия же движения вперед по пути именно динамичного экономического развития может осуществляться только на основе *полного* обновления рассматриваемого законодательства.

И дело здесь заключается, разумеется, не только и не столько в том, чтобы придать какой-то более «презентабельный» вид всему тому, что получилось на данный момент у законодателя, который посредством издания около сотни законов (если быть точным – 99-и) внес в Уголовный кодекс свыше полутора тысяч изменений, придав ему хотя и качественно новое состояние, но все же не то, которое отвечало бы требованиям создания нового экономического правопорядка в стране, сколько в том, чтобы *основательно* «перелопатить» буквально всю сложившуюся на сегодняшний день уголовно-правовую материю, очистить ее от всего устаревшего, ненужного в новых условиях, дополнить ее недостающими положениями, систематизировать, провести иную необходимую упорядочивающую работу.

¹ См.: Латухина К. Движение только вперед! Премьер Владимир Путин обрисовал программу действий // Российская газета. 2011. 26 сентября. С. 3–4.

Следует, конечно же, учитывать сложившиеся в стране во втором десятилетии XXI века новые социально-политические реалии. Для этого достаточно еще раз вспомнить «лихие 90-е», когда принимался УК РФ 1996 года, и сравнить ту ситуацию в стране с ее нынешним состоянием. Разница, безусловно, есть, и она – весьма существенная. Тогда у людей как будто уходила земля из-под ног (в своей же собственной стране они ощущали себя как бы эмигрантами), а сегодня они в своем большинстве уже почувствовали себя хозяевами в собственной стране, поскольку достаточно прочно удерживают в руках собственные возможности. И уже многое могут сделать для необходимого рывка в будущее.

Все эти годы Уголовный кодекс неустанно «трудился», и, надо сказать, продолжает активно «трудиться» на ниве укрепления экономического правопорядка и противодействия посягающим на него преступлениям. Он буквально «перемалывал» и продолжает «перемалывает» вал преступности, хлынувший на нас мощным потоком из того ставшего теперь уже почти далеким прошлого. Для вседозволенности тогда как бы открылись какие-то зловещие шлюзы. О чем-то похожем в нашей истории писал в свое время С. Есенин (о лихолетье лета 1917 года): «...Хлестнула дерзко за предел нас отравившая свобода...». Конечно же, «отравить» свободой человека нельзя. Если его и можно чем-то «отравить», то только несвободой. Свобода пьянит душу, волнует кровь, заставляет чаще биться сердце, колышет тело человека, но она же и приводит в действие человека, активизирует его интеллект, выводит на свет, на правильный путь. А несвобода всегда сковывает сознание, мутит совесть, путает действия, и тем самым отдаляет человека, образно говоря, на «растерзание» случая.

События, в условиях которых принимался Уголовный кодекс 1996 года, явно не способствовали законопослушанию. Переход к рынку осуществлялся так, что ему сопутствовали острейшие противоречия, вызвавшие падение уровня жизни, непонимание и растерянность людей, уход многих из них в «войну всех против всех», а всех их вместе – в «войну» с обществом и государством. В обилии были, например, убийства-изуверства, в том числе корыстные и ритуальные, бытовые и заказные, террористические и экстремистские, вооруженные и совершаемые, так сказать, «голыми руками».

Смертная казнь за все это уже не применялась – ее заменило пожизненное лишение свободы, являющееся по существу той же смертной казнью, но исполняемой... как бы «в рассрочку», то есть каждодневно, ежедневно, ежеминутно, и в течение, как говорится, всей оставшейся жизни осужденного. Совершая свои часто безрассудные преступления, люди сознательно или подсознательно шли и на «этапы длинные», и на «срока былинные», зная, что везде – пустота, «куда ни кинь – везде клин», кругом – «море неправды», а «острова правды» если и есть, то представляют

собой лишь «крошечные лоскутки суши», да и те почти повсеместно поросшие «неправдой».

Что бы там ни говорили, но советское время преподносит нам и в этом смысле свой горький урок. Вспоминается в данной связи собственное далекое прошлое. Автор – тогда ученик начальной школы (г. Никополь, Днепропетровская область, Украина) – часто наблюдал, как осужденные работали на стройках, валили приднепровский лес (под будущее Каховское водохранилище), а спиленные деревья вывозили на возах, как из лагерей возвращались бывшие полицаи, как их встречали уцелевшие в битвах с врагом фронтовики, как жили пленные немцы, оставшиеся затем у нас же в стране – так сказать, на «вечное поселение». Германия, пославшая их на войну, стала для многих немцев тогда как бы чужой, и возвращаться обратно хотели не все. А, может быть, среди них были и такие, которые во время войны сотрудничали с Красной Армией и возвращение домой для них становилось практически невозможным. Была, конечно, ГДР (Германская Демократическая Республика), но что это такое, тогда еще толком никто не знал.

Давал о себе знать и традиционный криминал, в том числе такой, как воровство, вооруженный разбой и бандитизм. Так или иначе, но тогда правда и неправда в жизни часто шли рядом, а нередко и пересекались, причем самым причудливым образом, и даже менялись местами. 90-е годы прошлого столетия в чем-то напоминали 50-е его годы, когда сталинизм уже уходил, а так называемая «хрущевская оттепель» была еще впереди.

Возвращаясь к Кодексу – особенно к периоду первого десятилетия его действия, нельзя не отметить, что на его счету – и впечатляющие победы, и бесславные поражения, и суровые будни повседневной работы по поддержанию порядка, и яростные атаки на преступность. Место смертной казни заняла, с одной стороны, такая уже упоминавшаяся мера наказания, как пожизненное лишение свободы, а с другой – внесудебная расправа, в основе которой часто была все та же смерть, но исполняемая не по приговору суда, а по воле любого «вольного мстителя», который, располагая нередко большими деньгами, мог нанять киллера, который, кстати, часто сам предлагал свои услуги профессионального убийцы¹. Нет ли у тебя самого, дорогой товарищ, врагов, которых надо было бы «убрать» с твоей дороги, спрашивал он потенциального заказчика преступления. Если нет, то я, говорил он, поинтересуюсь у твоих «друзей», нет ли у *них* таких врагов, которых надо было бы убрать с их дороги. В общем люди все же как-то сталкивались, умножая тем самым счет убийствам. И убийцы, «гастролируя» из города в город, почти всегда ос-

¹ Нечто подобное сегодня приходится наблюдать в Украине (см.: Федченко А. Готов убивать кого угодно за \$ 4000. Исповедь украинского наемника в Ливане // Комсомольская правда. 2011. 2 ноября. С. 7).

тавались неуязвимыми для стражей правопорядка. «Кишка у них тонка», — так тогда отзывались об этих «стражах» «авторитеты» преступного мира и прочие «воры в законе».

Но, тем не менее, работа по «отлову бандюков» и других опасных преступников все же велась. За «плечами» Уголовного кодекса — 15 миллионов осужденных¹. Простая арифметика подсказывает, что это — примерно каждый девятый житель России. Хотя, если учесть то, что значительное число «джентльменов удачи» бросало вызов стране, обществу и гражданам *не один раз, а два, три и даже более* раза, то это — примерно 3–5 % нашего населения. За решеткой в принципе мог оказаться тогда каждый, в том числе тот, кто в принципе был, как говорится, прав, но «правота» которого перекрывались еще более весомой «правотой» «братанов» («брательников», «бригад», «команд» и т. п.), всегда побеждавших в «войне всех против всех». Например, бывший шеф нижегородской милиции с весьма выразительной для тех лет фамилией — Братанов, несмотря на имеющуюся у него ученую степень, порой с трудом различал где в этой «войне» — «свой», а где — «чужой» (если, конечно, различал), и часто бил наотмашь (разумеется, не своими руками, а руками своих «костоломов») «налево» и «направо», то есть любого, кто только попался под руку.

Около миллиона осужденных в течение всех этих 15-и лет, попеременно подменявая друг друга и постоянно подпитываясь новым контингентом, находились в связи с совершением преступлений в закрытых учреждениях, а именно в следственных изоляторах, колониях, тюрьмах, которые никогда не только не пустовали, но и часто были переполнены. Осужденные не участвовали в выборах и референдуме 1994 года, как правило, лишались права на труд (для них не создавались рабочие места, хотя в доктрине труд рассматривался как важный фактор исправления осужденных), возможности осуществлять полномочия глав семейств (хотя даже весьма почитаемый в свое время в нашей стране основоположник теории коммунизма К. Маркс в своих произведениях отстаивал такое их право), и, похоже, вообще считались людьми самого последнего, низшего сорта. Это были по существу изгои общества — в самом прямом смысле.

Колония (тюрьма) была для ее обитателей фактически «курсами по повышению своей криминальной квалификации». Возвращаясь из «зоны» на «волю», они часто не успевали даже добраться до родного дома — попадались на чем-нибудь и снова оказывались за решеткой. Автору данного материала доводилось лично встречаться с такими людьми, причем в разных ситуациях, и каждый раз после встречи с ними в душе оставался какой-то тяжелейший «осадок». Возникали вопросы — в част-

¹ Цифра приведенная членом Совета Федерации Н.Федоровым (см.: Рожать, а не сажать! (редакционный материал) // Аргументы и факты. 2011. № 42. С. 2).

ности, о том, как же так получается, что жизнь никого и ничему не учит. Ни осужденных, ни их пенитенциарных наставников, ни высоких должностных лиц, которым доверено управлять правоохранительными органами, ни еще более высоких должностных лиц, взявших тогда на себя смелость и труд руководить государством. Ясно, что оставлять здесь все в прежнем виде было бы не только экономически накладным, но и опасным.

И сегодня еще наша уголовно-исполнительная система представляет собой своего рода «пороховую бочку», которая в любой момент может взорваться и, может быть, даже поставить в стране все вверх ногами – особенно если осужденных выпустить на свободу, да еще и раздать им «калаши», как это произошло, например, в той же Ливии весной, летом и осенью 2011 года. Чем все это там закончилось – хорошо известно, если, конечно, действительно закончилось. Может быть, будет еще такое продолжение всего происходящего, о котором мы пока еще даже не догадываемся. В том числе и в нашей стране.

По крайней мере, когда студенты факультета журналистики МГУ в январе 2012 года спросили Д. А. Медведева (на его встрече с ними) о том, готов ли он, находясь на посту главы государства, принять при каких-то экстремальных ситуациях такую же мученическую смерть, как, скажем, тот же М. Каддафи, он ответил, что, понимая суть происходящего в мире, ко всему готов. И добавил, что, вместе с тем, не исключает того, что через некоторое время вновь пойдет баллотироваться на пост президента страны.

Всего за период действия УК РФ 1996 года (1997–2011 гг.) в стране было совершено в общей сложности *около ста миллионов* преступления. Правда, в регистрационном учете оказалось примерно только каждое третье фактически совершенное преступление, то есть лишь около 35 миллионов преступлений. Уровень преступности в России за полтора десятилетия действия УК РФ 1996 года, превышал в *относительном* исчислении примерно *в пять-шесть раз* ее уровень в бывшем СССР (в 15-летний период, предшествовавший низвержению в октябре 1993 года советской власти,), а в *абсолютном* исчислении – примерно *в три раза*, если учесть, что население бывшего СССР почти *в два раза* превышало население нынешней России.

Многие заявления граждан о совершенных преступлениях – особенно в первое десятилетие действия УК РФ 1996 года – оказывались «под сукном», или они даже вообще не подавались гражданами – в основном в связи с пониманием гражданами полной бесполезности этого занятия, то есть из-за известного всем нежелания сотрудников правоохранительных органов давать заявлениям соответствующий ход.

Тогда же начала складываться такая практика, в соответствии с которой уголовные дела публичного обвинения по преступлениям, посягающим исключительно или преимущественно на права и законные ин-

интересы граждан, вообще перестали возбуждаться, если от потерпевших не поступали соответствующие заявления. Кстати, полностью переломить подобную практику не удается и по сей день, что является печальным фактом нашей нынешней действительности, ибо права человека – это, конечно же, не личное его дело, а дело всего государства, всего общества, особенно в той его (дела) части, в которой государство может себя позиционировать именно как правовое, а общество – как гражданское.

Права человека – это по существу и есть сам человек, поскольку вне своих прав он не может претендовать в своих амбициях даже на какой-то минимум своей чести, своего достоинства, своего доброго имени, своей доброй репутации. Обладая же правами, он не только становится человеком (в полном смысле этого слова, в понимании себя как человека *правового*), но и создает тот потенциал общества, в условиях которого оно обретает свои национальное достоинство, национальное достояние, национальное богатство. Права человека – это, вместе с тем, определенная нравственная, духовная и материальная высота *всего человечества*. Именно поэтому международное право так неистово «радеет» о правах человека в различных странах.

Борьба со столь громадным молохом, каким является преступность, не прошла для Кодекса бесследно. Он буквально усеян многочисленными «шрамами» от мелких и достаточно крупных «ремонтов», осуществленных едва ли не ежемесячными «телодвижениями» законодателя, желавшего поддерживать свой, так сказать, «уголовно-правовой мундир» во внешне благопристойном виде. Между тем, преступность продолжала приспосабливаться к новым условиям, активизироваться, наступать, брать страну, образно говоря, «за горло», сминать редуты правопорядка – словно какие-то легкие детские постройки, сгибать буквально «в дугу», до самого, как говорится, плintуса и ниже, «несгибаемых» с виду сотрудников правоохранительных органов, включая их «железных Феликсов».

Повсюду орудовали еще организованные преступные группы, везде «шастали» банды, наслаждались своей неуязвимостью воры, грабители, разбойники, вымогатели, по существу открыто совершали свои преступления аферисты всех мастей. Повсеместно (часто, как говорится, «под носом» у милиции, а иногда и при ее непосредственном участии) создавались притоны проституции, разврата, криминального наркотизма. Всерьез обсуждалась также возможность легализации так называемых «легких» наркотиков. Экономические же преступления были возведены едва ли не в ранг официальной бизнес-стратегии. А коррупция – почти в ранг официальной государственной политики. Некоторые горячие головы (в том числе отдельные высокопоставленные должностные лица) предлагали даже легализовать взяточничество. Лидировал в этом известный тогда поборник демократии («перестроечник»), доктор экономических наук,

профессор политэкономии, бывший марксист-ленинец, тогдашний мэр столицы Гавриил Попов – кстати, в 2011 году после снятия с этого поста «долгожителя» Ю. М. Лужкова приютивший его в своем коммерческом вузе на должности декана одного из факультетов. Раздавались и голоса за легализацию проституции, в том числе посредством организации соответствующих «борделей» – публичных домов. Но тут проявляли рвение более молодые «демократы» – так сказать, «продвинутые» политики.

Кстати, появилась профессия «политик». Кто это такие – «политики», не знает никто, но они лихо демонстрируют себя вплоть до настоящего времени в качестве таковых, хотя все знают, что чаще всего это – люди, которые живут на всякие подачки с Запада и не имеют никакого собственного лица. Где же еще можно устроиться на должность «политика», как не у спецслужб Запада. Наглядный тому пример – метание В. Рыжкова, который, позиционируя себя в качестве «политика», несмотря на свою сравнительную молодость, уже настолько устарел, что кажется старше всех ныне «бодрствующих» политических старцев – Г. Зюганова, В. Жириновского, С. Миронова и др.

Казалось, что в криминальный азарт вошли даже бродячие псы, подчас насмерть загрызавшие людей, в том числе грудных, вырывая их иногда буквально из материнских рук. Или воруя из детских колясок. Такое случалось даже в больших городах, среди бела дня, на глазах у оторопевших от происходящего прохожих. Кое-где, кстати, бездомные собаки продолжают свирепствовать и сейчас. Например, на улицах миллионного Омска до сих пор разбойничает примерно 80 тысяч обезумевших от отсутствия ухода псов. Дело здесь, понятно – не в собаках, а в людях, которые, отказываясь от забот о своих домашних питомцах и выбрасывая их на улицу, создают опасность в общественных местах, превращая последние по существу в какой-то всеобщий зверинец.

Само собой напрашивается вывод о необходимости криминализации подобного жестокого отношения к животным, а следовательно – и ко всем нам. И не только жестокого обращения с новорожденными, но и со всеми, в том числе с вполне взрослыми людьми – например, впавшими в алкогольную или наркотическую зависимость¹. Но нередко и сами матери убивали своих новорожденных детей. И не только опять же новорожденных². Это явление еще и сегодня напоминает о себе, в связи с чем во многих родильных домах в срочном порядке оборудуются так называемые «свободные окна», куда каждая мать может «сдать» (как какую-то,

¹ Вот что пишет пресса о подобных событиях в наши дни (см.: Велигжанова А. Девушек похищают в ночных клубах и продают в секс-рабство московским богачам. Поиски таинственно пропавшей студентки МГУ // Комсомольская правда 2011. 10–17 ноября. С. 18).

² См., например: Камаев А. Мама наняла киллера. Родители стали заказывать убийство собственных детей // Понедельник. 2011. № 45. Ноябрь. С. 7.

скажем, стеклотару или макулатуру) своего малыша (чтобы затем не стать его убийцей). Порой родители убивали не только собственных младенцев, но и более взрослых несовершеннолетних детей, как и уже совершеннолетних, впавших в алкогольную или наркотическую зависимость и на этой почве терроризировавших семью.

Практически *все* эти проблемы сохраняют свою остроту и в настоящее время, в связи с чем возникает вполне закономерный вопрос о том, а *каким* должен быть сегодня Уголовный кодекс – чтобы, наконец-то, обуздать преступность, чтобы, как говорится, накинуть на нее какой-то достаточно крепкий правовой «поводок» (а точнее сказать – «намордник», коль скоро были упомянуты взбесившиеся «братья наши меньшие» – от нашего отнюдь не братского к ним отношения), пресечь ее ползучую и вездесущую вседозволенность, и дать, наконец-то людям, обществу, государству возможность вздохнуть полной грудью, начать нормально жить, созидать, творить, беспрепятственно удовлетворять свои возрастающие запросы, осуществлять намеченные задачи, планы, программы.

Должны быть, разумеется, «на замке» и экономические отношения – в смысле надежной их охраны от разного рода преступлений. Посягающие на эти отношения преступления должны, как мы полагаем, наказываться по всей строгости законов переходного времени. Именно *переходного* времени, а не времени «триумфального шествия» идей демократии, гражданского общества и правового государства, так как на самом деле самого этого «триумфального шествия» пока нет, а есть только крайне медленное продвижение вперед, в том числе по известной схеме: шаг вперед – два назад, то есть нередко происходит и обратное движение. Имеется вполне реальная опасность того, что сегодня рыночные отношения у нас снова могут обрушиться – как обрушивались они ранее уже дважды в нашей стране – первый раз в связи с октябрём 1917 года, а второй – в связи с печальной участью НЭПа (1921 год – вторая половина 30-х годов прошлого столетия).

Известный «вождь мирового пролетариата», ратовавший на первых порах за отмену «всего частного», в дальнейшем сам провозгласил НЭП (новую экономическую политику), причем «всерьез и надолго». Пытаясь вначале вытащить людей из их индивидуальных «нор» на «свет божий», чтобы они могли как-то оглянуться вокруг, подтянуться и пойти на встречу друг другу, «вождь» быстро понял, что без частной инициативы создать эффективную экономику в то время не удастся. Но отсутствие достаточно сильного гражданского, трудового и иного законодательства привело к тому, что НЭП рухнул под тяжестью собственных проблем. И. В. Сталин «прихлопнул» его лишь, так сказать, «политически», а фактически он сам по себе уже в начале второго десятилетия своего существования «дышал на ладан». Да и объективно нужна была максимальная мобилизация экономики в связи с возникшей угрозой гитлеровского

вторжения. Без поддержки государства НЭП дальше не мог продолжаться (по крайней мере, «всерьез и надолго»), как не может состояться и нынешняя рыночная экономика без такой поддержки, особенно если речь идет о малом и среднем предпринимательстве.

Бизнес-инкубаторы, налоговые льготы, кредиты, соответствующим образом ориентированная система страхования и прочие подобные меры «вспомоществования» здесь крайне важны. Без них нашему рынку – «кирдык», «кранты» и «медный тазик». Во всем мире такие меры есть, и они, конечно же, должны быть у нас тоже. Помимо достаточно эффективной правовой и организационной охраны справедливой состязательности в экономике, в том числе кроме охраны ее от разного рода криминальных посягательств, должны быть еще и соответствующие механизмы, инструменты, технологии и т. д.

Для того, чтобы ответить на вопрос о том, что делать с преступностью *сегодня*, надо *обстоятельно* проанализировать обстановку принятия УК РФ 1996 года, пройденный им путь, прошлое и настоящее уголовно-правоохранительной системы, призванной обеспечивать соблюдение гражданами требований закона, и государством – прав и законных интересов граждан, необходимо изучить меры, предпринимаемые по реформированию данной системы, уголовную политику государства в целом. Анализировать все это необходимо во взаимосвязи Уголовного кодекса со всей остальной системой права, ориентированной, так или иначе, на противодействие преступности и иным правонарушениям, являющимся довольно существенными предпосылкой и условием преступлений.

Нельзя менять что-то в Кодексе, образно говоря, даже не «пошевелив пальцем» в других отраслях права – как, впрочем, и во всем жизненном нашем пространстве вообще. Каждое уголовно-правовое «телодвижение» законодателя должно сопровождаться массой других нововведений – как сугубо правовых, так и организационных, экономических, социальных, политических и т. д. Требуется также учет взаимосвязи Кодекса с соответствующими образовательными, педагогическими, культурными, просветительскими и другими подобными мерами. Кодекс связан с этими мерами тысячами нитей – и каждая из них заслуживает всестороннего, глубокого и обстоятельного анализа. Если не учитывать такие взаимосвязи, Кодекс никогда не заработает в полную силу, не даст того результата, на который рассчитывает законодатель и его бессменный «учредитель» – государство.

Но и сам по себе Уголовный кодекс должен быть, конечно же, достаточно совершенным – как по содержанию, так и по форме. Мудрый законодатель, формулируя *уголовное* законодательство, должен в *особой* степени проявлять свою интеллектуальную силу, проницательность, свое искусство творческой изобретательности, дар предвидения – потому что нет более болезненной для общества и более чувствительной для него и

для его ответной реакции на правонарушения сферы, чем та, которая доверена именно ему. Должны быть хорошо отлажены все институты и нормы уголовного законодательства, буквально до блеска отполированы его язык, стиль и фразеология в целом, четко систематизированы его разделы, главы, статьи, диспозиции, санкции, примечания к статьям.

Следует основательно отработать все его, так сказать, «колесики и гаечки», «винтики и шпунтики», «тяги и пружинки», «шестеренки и валлики», «маятники и фиксаторы», «подшипники и подпятники», «вкладыши и втулки», «клапана и коромысла». Да мало ли еще что есть и что должно быть в этом сложнейшем антикриминальном механизме «балансировок и фокусировок», «допусков и припусков», «воздействий и взаимодействий», от которых, так или иначе, зависит конечный результат всей уголовно-правоохранительной деятельности.

При подготовке проекта новой редакции Уголовного кодекса важно сформулировать *такие* положения, выводы, предложения и рекомендации, которые получили бы довольно отчетливый и однозначный положительный резонанс в среде заинтересованной юридической научной и практической общественности, а также оказались бы созвучными с соответствующими запросами законодателя, с его намерениями, стремлениями, волей. Если «заказ» законодателя по тем или иным причинам пока еще, может быть, не вполне четко осознается, то тем ответственнее надо формулировать нужные правовые модели – с тем, чтобы они действительно были новаторскими, инновационными и нашли у законодателя именно тот отзвук, который предвосхитил бы его ожидаемый «звук».

А главное, чтобы практическая реализация данного «заказа» если не опрокинула преступность, то, по крайней мере, поставила ее в такие достаточно жесткие рамки, в которых она была бы сведена к минимальнейшему минимуму, и больше не беспокоила нас. «Заказ» на преступность, связанный с объективным существованием достаточно «влиятельных» криминогенных факторов, должен быть «отменен» эффективной реализацией «заказа» на противодействие ей по всем направлениям.

Надо сказать, что в принципе *все* российское законодательство (включая, конечно же, и Уголовный кодекс РФ 1996 года тоже), изданное на основе принятой 12 декабря 1993 года всенародным голосованием Конституции РФ, подняло страну фактически из руин, привело ее к нынешнему сравнительно устойчивому и динамично развивающемуся состоянию. Упоминавшаяся выше «живая нитка» от В. В. Путина – как нам представляется, ловкий предвыборный политический ход (сейчас об этом уже можно говорить, так как президентские выборы позади).

Элементы нерешенных проблем, конечно же, еще сохраняются, но пугать нас разного рода «эксцессами» в принципе было уже, на наш взгляд, необязательно. И, вместе с тем, для того, чтобы страна пошла дальше вперед по намеченному курсу (модернизация, интеллектуализация, информатизация, интеграция и т. д.), чтобы действительно укрепля-

лась ее экономическая мощь, надо под поставленные задачи подвести *новый* весьма прочный правовой фундамент, в том числе достаточно жестко (насколько это возможно) армированный законодательством уголовным.

Но чтобы принять действительно *новый* Уголовный кодекс, а не просто какой-то слегка подправленный вариант старого Кодекса, то есть такой, который действительно стал бы законом *второго десятилетия* XXI века, опираясь на который страна могла бы, наконец-то, очиститься (насколько это возможно) от преступлений – прежде всего, конечно же, от воровства, мошенничества, коррупции и пьяного «мордобоя», пустивших у нас, как видно, глубокие корни, *надо на строго научной основе разработать его проект.*

Понятно, что это необходимо делать с предварительным глубоким и всесторонним изучением состояния преступности, типичных особенностей лиц, совершающих преступления различных видов и категорий, причин преступности, мер ее предупреждения, эффективности фактически применяемых уголовно-правовых мер. Надо изучить также все то, что касается преступности и мер борьбы с ней за рубежом, отечественный и зарубежный законодательный и правоприменительный опыт – как современный, так и исторический, опыт формирования и функционирования международного уголовного правосудия, опыт взаимодействия государств в соответствующей сфере.

Продолжающаяся интенсивная интеграция России в общемировые процессы, конечно же, *требует* всего этого. Ведь, как уже отмечалось, созданный в рамках России, Белоруссии и Казахстана Таможенный союз – хорошая предпосылка для последующего его расширения, а затем, может быть, и для присоединения к нему Евросоюза. Поэтому изучение при разработке новой редакции УК РФ соответствующего законодательного опыта европейских государств и Евросоюза в целом было бы, конечно же, весьма ценным. Заявления отдельных политиков о том, что Европа, кроме производства пива и сарделек, ни на что больше не способна (П. Бородин), не только не корректны, но и некомпетентны. Европа – колыбель мировой цивилизации и, как у таковой, у нее многому еще *можно* и, конечно же, *нужно* поучиться.

С учетом того, что постсоветское пространство имеет многие общие исторические, географические, экономические, культурные и иные традиции, законодательство образованных на нем государств должно быть предметом пристального внимания аналитиков, работающих в области права. Особенно следует обращаться к опыту наших «братьев-славян», то есть таких государств, как Белоруссия и Украина. В конце концов, криминальные проблемы у нас – примерно одни и те же, а значит должна быть и более сплоченной на постсоветском пространстве правовая основа борьбы с преступностью.

Нуждаются в своем собственном законодательстве, в том числе, разумеется, и уголовное, Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье. Понятно, что эти государства не могут игнорировать законодательство ни соответственно Грузии и Молдовы (территориально эти государства – рядом), ни России (кроме территориальной близости здесь должно учитываться еще и то, что большинство людей в названных государственных образованиях – граждане РФ; не говоря уже об экономической, финансовой, культурной и иной поддержке этих образований Россией).

Поэтому разработка законов в названных государствах должна сопровождаться изучением и восприятием законодательного опыта *всех* государств-соседей, а не только тех, которые, может быть, несколько самонадеянно и даже, можно сказать, бесцеремонно претендуют на включение их в свой состав. Это способствовало бы правопорядку и в соответствующих регионах в целом.

В ходе разработки научной базы обновления законодательства важно внимательно проанализировать все те предложения *de lege ferenda*, которые содержатся в диссертациях, монографиях, статьях, других научных материалах, изучить наработки в данной области каждого ученого, работающего в соответствующих отраслях юридических знаний, попытаться посмотреть на них пристальным аналитическим взглядом и решить, что в них можно улучшить, преобразовать, обновить и т. д. – что бы затем учесть и внедрить в реальную нашу правовую действительность.

Одновременно вузовским и научно-исследовательским творческим коллективам можно было бы выйти с предложением о придании им права законодательной инициативы, так как к голосу ученых еще, честно признаемся в этом, *мало кто прислушиваются*, в том числе из числа тех, от кого непосредственно зависит продвижение идей по обновлению нашего законодательства. Между законодателем и учеными не должно быть никаких промежуточных звеньев, в том числе в виде каких-то «посредников», «прокладок», «буферов», «подушек безопасности» и т. д.

Наши собственные предложения, прицельно ориентированные на обеспечение динамичного экономического развития страны (помимо тех, которые в разные годы высказывались автором ранее в различных публикациях), состоят, в частности, в следующем.

Надо дополнить главу 23 УК РФ составами преступлений, аналогичными тем, которые есть в главе 30 Кодекса, в том числе, например, такими, как *превышение полномочий* лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, *присвоение полномочий* такого лица (кем бы то ни было), *халатность*, совершенная таким лицом, *посредничество в коммерческом подкупе* (по типу состава посредничества во взяточничестве – ст. 291.1 УК РФ), *подлог*, совершенный в сфере деятельности коммерческой или иной организации.

Состав коммерческого подкупа целесообразно, на наш взгляд, разделить на два состава, а именно на состав *подкупа* лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, и состав *получения предмета подкупа* таким лицом. Это в большей мере способствовало бы целенаправленному противодействию как тому, так и другому коррупционному преступлению.

С учетом задач обеспечения дифференциации ответственности, а следовательно, и соблюдения принципа справедливости в сфере уголовной политики, необходимо более детально градирировать квалифицирующие признаки составов преступлений, избегая случаев отсутствия таких признаков в составах вообще¹.

И, конечно же, важно соответственно расширить рамки *диспозитивности*, характерные для статей главы 23 УК РФ – с распространением их на отдельные составы преступлений, содержащиеся в главах 21 и 22 УК РФ. Это могут быть составы, например, таких совершенных при отсутствии квалифицирующих признаков преступлений против собственности (причиняющих ущерб *гражданину*), как кража, мошенничество, присвоение, растрата, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, умышленное или совершенное по неосторожности уничтожение либо повреждение имущества.

Полагаем, что уголовное преследование по делам о таких преступлениях было бы целесообразным увязывать с наличием соответствующего заявления или, по крайней мере, согласия потерпевшего (по типу того, как решается данный вопрос в примечании 2 к ст. 201 УК РФ). Если же какое-либо из перечисленных преступлений против собственности причиняет ущерб не какому-то отдельному *гражданину*, а *организации*, то вопрос об уголовном преследовании виновного лица было бы целесообразным увязывать с соответствующей ее позицией.

В основательной «утряске» нуждается глава 22 УК РФ («Преступления в сфере экономической деятельности»). Важно, *во-первых*, переместить составы всех тех деяний в сфере экономической деятельности, которые характеризуются минимальным материальным вредом и влекут согласно санкциям наказания, не связанные с лишением свободы, в Кодекс РФ об административных правонарушениях, *во-вторых*, максимально унифицировать стоимостные критерии преступности деяний, совершаемых в сфере экономической деятельности (с дополнением соответствующих статей необходимыми примечаниями), *в-третьих*, максимально упростить схемы описания таких критериев, исключив из них разного рода «мудреные» коэффициенты и другие чрезмерно услож-

¹ На данное обстоятельство справедливо указывает А. С. Грибов (см.: Грибов А. С. Дифференциация ответственности за экономические преступления в России, ФРГ и США (сравнительно-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратовская юридическая академия, 2011. С. 9).

ненные положения, препятствующие наглядности законодательных требований (это касается, прежде всего, первых примечаний к статьям 198 и 199 УК РФ), *в-четвертых*, вернуть силу статьям, предусматривающим ответственность за лжепредпринимательство, заведомо ложную рекламу и обман потребителей, поскольку, как показала жизнь, они были признаны утратившими силу явно преждевременно, *в-пятых*, провести более стройную систематизацию статей главы 22 УК РФ, выделив в этой главе соответствующие подструктуры – например в виде параграфов (преступления предпринимательские, валютные, таможенные, банкротские, налоговые, иные), *в-шестых*, максимально упростить описание самих составов преступлений, сделав в них акцент исключительно на главных признаках составов преступлений – с вынесением самого раскрытия этих признаков в примечания, *в-седьмых*, внедрить в описание составов менее опасных преступлений правило административной преюдиции, *в-восьмых*, внедрить в описание наиболее опасных преступлений, наряду с другими квалифицирующими признаками, признак *особенно* крупного ущерба (размера, дохода, задолженности, избежания убытков и т. п.), *в-девятых*, при описании составов преступлений сделать акцент на характеристике ущерба, причиненного гражданину, и, наконец, *в-десятых*, внедрить и в главу 22 УК РФ начала диспозитивности – прежде всего, применительно к составам тех деяний, которые причиняют ущерб исключительно или главным образом гражданину.

И, конечно же, задачи обеспечения динамичного экономического развития страны требуют решительного усиления ответственности за те экономические преступления, которые причиняют ущерб *исключительно или главным образом* государству – прежде всего, его *внешнеэкономическим интересам*.

Библиографический список:

1. *Латухина К.* Движение только вперед! Премьер Владимир Путин одобрил программу действий // Российская газета. 2011. 26 сентября.
2. *Федченко А.* Готов убивать кого угодно за \$ 4000. Исповедь украинского наемника в Ливане // Комсомольская правда. 2011. 2 ноября.
3. Рожать, а не сажать! (редакционный материал) // Аргументы и факты. 2011. № 42.
4. *Велигжанова А.* Девушек похищают в ночных клубах и продают в секс-рабство московским богачам. Поиски таинственно пропавшей студентки МГУ // Комсомольская правда. 2011. 10–17 ноября.
5. *Камаев А.* Мама наняла киллера. Родители стали заказывать убийство собственных детей // Понедельник. 2011. № 45. Ноябрь.
6. *Грибов А. С.* Дифференциация ответственности за экономические преступления в России, ФРГ и США (сравнительно-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратовская юридическая академия, 2011.